

ВКУС ЧУЖОГО ГРЕХА

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

ЕЛЕНА КОПС

18+

Елена Копс

Вкус чужого греха

«Автор»

2026

Копс Е.

Вкус чужого греха / Е. Копс — «Автор», 2026

Дарья Ветрова — один из лучших сомелье страны. Приглашенная в элитное крымское имение «Русские Лозы» для оценки уникальной коллекционной части погребов, она рассчитывала на тонкую профессиональную работу. Но имение встретит ее не только роскошью и старинными винтажами, но и запахом крови. Владелец винодельни, Артур Дементьев, найден мертвым среди запыленных стеллажей, а официальный диагноз — «сердечный приступ» — кажется слишком удобным ширмой для наследников. Вместе со сдержанным и методичным финансовым аудитором Романом Беловым, бывшим следователем, Дарья погружается в мрачный каменный лабиринт. Смерти следуют одна за другой, а круг подозреваемых сужается, превращая расследование в отчаянную гонку на выживание. На грани смертельного риска, среди ледяного холода старых стеллажей и раскаленного южного зноя, между Дарьей и Романом вспыхивает всепоглощающая, чувственная страсть.

© Копс Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	18
ГЛАВА 4	24
ГЛАВА 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Елена Копс

Вкус чужого греха

ПРОЛОГ

Исторические подвалы «Русских Лоз» дышали ледяным спокойствием и вечностью. Здесь, на глубине двадцати метров под толщей крымского известняка, не было ни времени, ни суеты. Только идеальные плюс двенадцать градусов, густая темнота и запах — тяжелый, пьянящий аромат старого дуба, влажной земли и спящего в бутылках вина.

Артур Дементьев спускался по каменным ступеням медленно, тяжело опираясь на перила. В свои пятьдесят четыре он был мужчиной крупным, властным, привыкшим брать от жизни все — от женщин до бизнеса, — но сегодня его шаги звучали в гулкой тишине как-то устало.

Оказавшись в самом нижнем ярусе, он не стал включать электрический свет. Достал из кармана кашемирового пальто зажигалку, чиркнул колесиком. Пламя выхватило из мрака нишу, забранную кованой решеткой. Там, покрытые благородной серой пылью, покоились самые старые, коллекционные бутылки — сердце его империи.

Дементьев зажег единственную толстую восковую свечу, стоявшую на дубовой бочке. Мягкий золотистый свет заскользил по пузатому стеклу, отразился в его темных, жестких глазах.

В подвале было тихо, но эта тишина вдруг стала плотной, осязаемой. Как будто воздух сгустился за его спиной. Артур не обернулся. Он лишь чуть склонил голову, глядя на мерцающий огонек свечи, и произнес вслух, ровным, почти равнодушным голосом:

— Ты думаешь, я не знаю, кто ты на самом деле?

Тень позади него неуловимо дрогнула.

Свеча погасла. Подвал поглотила абсолютная, слепая тьма.

ГЛАВА 1

Дарья Ветрова всегда считала, что у каждого человека, как и у каждого места на земле, есть свой неповторимый, уникальный вкус. Вкус первого глотка. Аромат, который раскрывается не сразу, а лишь тогда, когда ты позволишь ему подышать, согреться в бокале твоего внимания.

Чёрный представительский «Мерседес S-класса», присланный за ней в аэропорт Симферополя, плыл по раскаленному асфальту трассы, мягко шурша широкими шинами. Дарья сидела на заднем сиденье, откинув голову на прохладную бежевую кожу подголовника. В салоне царил идеальный микроклимат, созданный умной немецкой машиной, но Дарья намеренно приоткрыла тонированное стекло, чтобы впустить внутрь густой, осязаемо тяжелый крымский воздух.

Он ударил в лицо горячей волной, запахом нагретого на безжалостном солнце известняка, сухой полыни, лаванды, морской соли и сладковатой, почти медовой пыли. В этом воздухе была какая-то первобытная, животная страсть. Он обволакивал, забирался под легкую ткань ее платья, ласкал кожу, заставляя тело вспомнить о том, что оно живое.

Ей было тридцать три. Возраст, когда женщина уже точно знает, чего она хочет, и, что гораздо важнее, чего она категорически не потерпит. Позади остался болезненный, изматывающий, как затяжное похмелье, развод с Антоном. Ее бывший муж, шеф-повар модного московского ресторана, был человеком ярким, шумным, но абсолютно поверхностным — как молодое Божоле Нуво, которое бьет в нос фруктовыми нотами, но выдыхается и кислит уже через час. Он искренне считал профессию Дарьи «элитным баловством». «Я создаю искусство на тарелке, — любил повторять он, театрально взмахивая руками, — а ты просто наливаешь к нему забродивший виноградный сок, Даша. Будь проще».

Он так и не понял, что она не просто наливала сок. Дарья была сомелье высочайшего класса, независимым консультантом, чье слово могло поднять стоимость винтажной коллекции на сотни тысяч евро или превратить амбициозного винодела в банкрота. Она умела читать историю лозы по едва уловимому оттенку рубина на просвет хрустального бокала. Умела чувствовать боль земли, жажду корней, ярость солнца, запертые под пробкой. И точно так же она научилась читать людей.

Она рассталась с Антоном без скандалов, просто в один день собрав свои вещи. Ей надоело быть «красивым приложением» к его эго. Ее тело, созданное для глубоких, медленных, осознанных удовольствий, устало от его торопливой, эгоистичной близости, в которой не было ни нежности, ни настоящего внимания. После развода она с головой ушла в работу. Десять лет бесконечных перелетов: от влажных, прохладных погребов Бордо до залитых солнцем холмов Тосканы, от строгих шато Бургундии до дерзких виноделен Нового Света. Она нигде не оседала. Она была свободна, успешна и... отчаянно одинока той разновидностью одиночества, когда тебе не с кем разделить не постель, а послевкусие.

Дарья пошевелилась на сиденье. Тонкий шелк изумрудного платья-комбинации — ничего лишнего, только струящаяся ткань на обнаженном теле — скользнул по бедрам, вызвав легкую, почти электрическую дрожь внизу живота. Юг всегда действовал на нее именно так. Он пробуждал скрытую, дремлющую чувственность, заставлял соски твердеть под тонкой тканью от случайного прикосновения прохладного воздуха из кондиционера.

Машина свернула с основной трассы и начала плавный подъем в предгорья. Водитель, молчаливый мужчина с военной выправкой (судя по манере держать руль и сканировать зеркала — из бывших силовиков, как и многие в службе безопасности крупных бизнесменов), вел автомобиль безупречно.

— Почти приехали, Дарья Александровна, — произнес он низким баритоном, не оборачиваясь. — За тем холмом начнутся земли имения.

Она кивнула своему отражению в стекле. За окном расстилались идеальные, геометрически выверенные ряды виноградников. Лозы тянулись к горизонту, их сочно-зеленые листья впитывали щедрое солнце. Терруар. Уникальное сочетание почвы, климата и рельефа. Дарья знала, что земли «Русских Лоз» — это золотая жила. Известняк и мергель, идеальный дренаж, правильный угол наклона склонов, защищающий от северных ветров. Артур Дементьев, владелец всего этого великолепия, был гением или дьяволом, раз сумел за пятнадцать лет превратить заброшенный совхоз в империю, чьи вина подавали на приемах в Кремле и экспортировали во Францию.

Был. Три дня назад Артура Дементьева нашли мертвым в его собственном историческом подвале, на глубине двадцати метров под землей. Официальная версия — обширный инфаркт. Тело не выдержало напряжения.

Дарья пригладила распущенные волосы — густые, темные, отливающие каштаном на солнце. Ее наняли наследники. Задача стояла предельно четко: провести полный аудит закрытой коллекционной части погребов. Оценить каждую бутылку, составить систематизированный каталог перед грядущей продажей доли бизнеса. Гонорар был предложен огромный. Но дело было не только в деньгах. Ее манила сама коллекция — легендарное собрание Дементьева, о котором в узких кругах ходили мистические слухи.

Автомобиль миновал кованые ворота с монограммой «РЛ», около которых стояли двое крепких охранников, и выехал на широкую, вымощенную светлым камнем подъездную аллею.

Дарья подалась вперед, не в силах скрыть профессионального и эстетического восхищения. То, что открылось ее взгляду, было не просто винодельней. Это был архитектурный шедевр, дышащий дерзостью и властью.

Имение было встроено прямо в тело монолитной известняковой скалы. Историческая часть — массивное, основательное здание девятнадцатого века из грубо тесанного дикого камня, с арочными окнами и тяжелыми дубовыми дверями, уходило глубоко в породу. Оно выглядело как неприступная крепость, хранящая тайны прошлого. А прямо из него, словно бросая вызов времени и гравитации, выросал современный производственный корпус. Огромные плоскости тонированного стекла, анодированный черный алюминий, строгие, агрессивные линии. Это сочетание старого и нового, природной мощи камня и холодной, проникающей силы металла, выглядело невероятно. Как акт властного, но красивого подчинения природы человеческому интеллекту. Артур Дементьев строил это место как памятник своему собственному эго.

Машина плавно затормозила у широких парадных ступеней.

Персонал здесь двигался с бесшумной, вышколенной грацией дорогих европейских отелей. Не успел водитель заглушить двигатель, как дверца со стороны Дарьи уже была открыта молодым человеком в идеально сидящем темно-сером костюме. Он подал ей руку — жест легкий, предупредительный, без лишнего давления.

— Добро пожаловать в «Русские Лозы», Дарья Александровна. Позвольте ваш багаж.

Она грациозно выбралась из машины, поправляя подол платья. Высокие каблуки мягко стукнули по камню. Солнце ударило по глазам, но тут же из прохладного полумрака массивных двойных дверей ей навстречу вышла женщина.

Встреча с Мариной Дементьевой, вдовой хозяина империи, оказалась похожа на дегустацию выдержанного, очень дорогого, но опасно крепкого алкоголя.

Марине было сорок четыре, но этот возраст казался лишь цифрой в паспорте. Она выглядела потрясающе ухоженной, ложенной той самой породистой красотой, в которую вложены сотни тысяч долларов, часы в кабинетах лучших косметологов и генетическая уверенность в собственном превосходстве. Она носила траур так, словно это была эксклюзивная капсуль-

ная коллекция от Тома Форда. Черное платье-футляр сидело на ней как вторая кожа, безупречно облекая фигуру: оно подчеркивало высокую, явно сделанную, но идеальную грудь, тонкую талию и крутой изгиб бедер. Длина платья была строгой — чуть ниже колена, но разрез сзади при ходьбе открывал ровно столько, чтобы мужской взгляд непроизвольно цеплялся за матовую кожу.

На ней не было ни грамма лишней косметики, ни заплаканных глаз, ни дрожащих губ. Только легкая, как дорогая пудра, вуаль светлой печали на красивом, скуластом лице с миндалевидными зелеными глазами.

— Дарья Александровна? — Голос у вдовы оказался под стать внешности: низким, грудным, с легкой, будоражащей хрипотцой. Так звучит голос женщины, которая знает, как приказывать в постели и в зале заседаний совета директоров.

— Примите мои глубочайшие соболезнования, Марина, — Дарья шагнула навстречу, отвечая на рукопожатие.

Ладонь у вдовы была сухой, узкой и неожиданно холодной, несмотря на тридцатиградусную жару на улице.

— Благодарю вас, Дарья. И спасибо, что согласились прилететь так быстро, отменив другие дела, — Марина слегка склонила голову. В ее зеленых глазах не было слез, в них плескался холодный, расчетливый ум. — Артур... мой покойный муж... всегда говорил, что вы — единственный эксперт в России, чьему вкусу и честности он готов доверить свои самые старые винтажи. Проходите в дом. Здесь слишком жарко, а нам нужно многое обсудить до того, как вы спуститесь в погреб. Игорь нас уже заждался.

Они вошли в просторный, залитый светом холл, и Дарья сразу почувствовала, как меняется акустика и атмосфера. Высоченные потолки, полированный камень под ногами, приглушенный гул мощной системы кондиционирования. В воздухе едва уловимо пахло дорогим интерьерным парфюмом с нотами сандала и инжира, но сквозь него, словно из-под половиц, пробивался тот самый запах — сырость, камень, дуб. Дыхание погребов, спрятанных под ними.

Гостиная, куда ее привела Марина, поражала размахом. Панорамные окна во всю стену открывали сумасшедший, кинематографичный вид на спускающиеся в долину виноградники и далекую, сверкающую на солнце полоску моря. Пространство было обставлено минималистичной, но баснословно дорогой итальянской мебелью. Белая кожа, темное дерево, хрусталь.

У окна, спиной к ним, стоял мужчина. Услышав их шаги, он резко обернулся, чуть не опрокинув низкий журнальный столик, на котором стоял графин с водой.

Игорь Дементьев, младший брат покойного, был прямой противоположностью Марине. Ему было около пятидесяти, но выглядел он старше. Если Артур, судя по фотографиям в прессе, был мощным, харизматичным львом, то Игорь казался человеком, которого жизнь долго и методично отодвигала на второй план. Дорогой льняной костюм сидел на нем как-то мешковато, воротник рубашки был расстегнут, галстук сбит набок, а на лбу блестела испарина. Лицо у него было одутловатым, с заметной сеточкой лопнувших капилляров на щеках — верный признак человека, который слишком часто ищет утешения на дне бокала с крепким алкоголем.

— Дарья! — он шагнул навстречу, порывисто, почти отчаянно схватив ее руку обеими своими. Его ладони, в отличие от Марининых, были неприятно влажными и горячими, пальцы нервно подрагивали. — Боже, какое горе, вы представляете? Прямо в подвале! Наш Артур... глыба, титан... и вот так! Сердце не выдержало. Сгорел, просто сгорел на работе. Он же жил этой винодельней. Дневал и ночевал там, в этих проклятых катакомбах!

Он говорил слишком громко, чересчур активно жестикулируя. Слова сыпались из него торопливо, словно он боялся, что его перебыют. Дарья, чьи рецепторы были настроены на малейшие фальшивые ноты, моментально уловила диссонанс.

Она мягко, но настойчиво высвободила свою руку из его липкой хватки.

— Мне очень жаль, Игорь. Это огромная потеря для всей отрасли.

— Да, да... отрасль... — он нервно провел рукой по редющим волосам и вдруг метнул взгляд на Марину.

Дарья перехватила этот взгляд. В нем не было родственного сочувствия. В нем, под слоем суетливого горя, плескалась затаенная, многолетняя злоба. И еще кое-что. Мужское, тяжелое, голодное вожделение. Игорь смотрел на ноги невестки, на изгиб ее бедра под черной тканью так, как смотрят на кусок мяса, который очень хочется сожрать, но пока нельзя.

Марина перехватила его взгляд, и уголок ее губ едва заметно дрогнул в брезгливой усмешке. Она элегантно опустилась на белоснежный кожаный диван, плавно закинув ногу на ногу. Шелк платья скользнул выше по бедру. Игорь судорожно сглотнул.

В комнате повисло густое, наэлектризованное напряжение. Сексуальное и враждебное одновременно. Дарья физически ощутила, как эти двое ненавидят друг друга, но связаны одной цепью — смертью Артура и его наследием.

«Фальшь», — снова подумала Дарья. Внутренний сомелье в ее голове безошибочно поставил диагноз.

Это было похоже на то, как если бы ей подали бутылку легендарного «Шато Петрюс» 1982 года. Ты видишь идеальную этикетку, правильную пробку, красивый цвет. Но делаешь первый, крошечный глоток — и рецепторы на корне языка взрываются горечью. Вино с дефектом пробки. Трихлоранизол. Запах мокрого картона, плесени и гнили, спрятанный за красивым фасадом.

Эти двое лгали. Их скорбь была отрепетирована. Игорь переигрывал, пряча за громкими словами страх и какие-то свои, темные амбиции. Марина не доигрывала, скрывая за маской ледяной королевы расчетливый ум, уже начавший делить активы. Никто из них не оплакивал человека. Они оплакивали — или предвкушали — судьбу его денег.

— Присаживайтесь, Дарья, — Марина грациозно указала на кресло напротив. — Нам предстоит огромная работа. Коллекция, которую вам нужно оценить перед продажей доли инвесторам, просто колоссальна. Речь идет о тысячах бутылок, многие из которых не имеют рыночной цены, потому что существуют в единичных экземплярах. Мы хотим понимать реальную, до копейки, стоимость того, что осталось там, внизу.

Дарья присела, привычным жестом расправляя на коленях ткань платья.

— Я приступлю к работе завтра с утра, — ее голос звучал ровно, профессионально, с той долей прохлады, которая не позволяла клиентам садиться на шею. — Мне потребуется полный доступ ко всем ярусам исторического подвала. Схемы, ключи, электронные допуски. И, разумеется, все каталоги учета, как цифровые, так и бумажные, если таковые велись.

— Бумажные каталоги — это к Гурову, — буркнул Игорь, подходя к бару и наливая себе полстакана виски без льда. Время было раннее, около полудня, но рука у него даже не дрогнула. — Виктор Гуров, наш главный технолог. Он был правой рукой Артура, знал в этих подвалах каждую крысу. Он будет в вашем полном распоряжении.

— Отлично, — кивнула Дарья. — И еще одно. Поскольку я буду работать с историческими образцами, мне нужны идеальные условия. Никакого постороннего присутствия во время инвентаризации. Только я, вино и, при необходимости, Гуров.

— Вы получите все, что нужно, — Марина чуть склонилась вперед, и вырез ее платья приоткрыл ложбинку между грудей. Это было сделано не для соблазнения, а как демонстрация силы. Она знала, как действует на людей, и использовала тело как оружие. — Наш управляющий покажет вам ваши апартаменты. Отдохните с дороги. Вечером мы ждем вас на ужин, там мы познакомим вас с Гуровым и... некоторыми другими партнерами.

Гостевые апартаменты, отведенные Дарье, располагались в отдельном крыле, выходящем окнами прямо на бескрайние ряды виноградных лоз. Номер мог поспорить с президентским люксом в «Ритце». Просторная спальня, огромная кровать с постельным бельем из египетского

хлопка, тяжелые шторы блэкаут, массивные деревянные балки на потолке, напоминающие о старинной архитектуре, и огромная ванная комната, отделанная черным мрамором.

Оставшись одна, Дарья почувствовала, как навалилась усталость. Напряжение последних часов, перелет, душная, липкая аура фальши в гостиной Дементьевых — все это требовало немедленной перезагрузки.

Она скинула туфли, с наслаждением погрузив уставшие ступни в мягкий ворс ковра. Растегнула молнию на спине платья. Шелк с легким шорохом стек на пол, оставив ее абсолютно обнаженной. Дарья никогда не носила белье под летние платья-комбинации — она не терпела лишних оков на своем теле.

Подойдя к огромному зеркалу в ванной, она критически осмотрела себя. Высокая, стройная, но не сухая. В ней была та самая спелая, сочная женственность, которую так любят скульпторы и которую так боялся ее бывший муж. Округлые, тяжелые груди с потемневшими от жары ареолами, плоский, но мягкий живот, крутые, сильные бедра. Кожа слегка блестела от пота. Она провела руками по своим бокам, от талии к груди, глубоко вдыхая. В этом доме, пропитанном смертью и чужими тайнами, ее собственное тело вдруг показалось ей невероятно живым, требующим внимания и ласки.

Дарья открыла кран в просторной стеклянной душевой кабине. Вода ударила тугими, горячими струями. Она шагнула под них, запрокинув голову и закрыв глаза.

Это было похоже на обряд очищения. Горячая вода омывала лицо, струилась по шее, застревала в ложбинке между грудями, стекала по животу, путаясь в темном треугольнике волос внизу, и бежала дальше по ногам. Дарья взяла губку, щедро налила на нее гель с терпким ароматом нероли и черного перца, и начала медленно, с наслаждением намыливать тело.

Она касалась себя так, как хотел бы касаться любой мужчина, обладающий вкусом. Медленно, вдумчиво, изучая каждую линию. Пена скользила по плечам, по упругой коже груди. Дарья слегка сжала соски, чувствуя, как они мгновенно затвердели, отзываясь на прикосновение. Низ живота стянуло сладким, тяжелым спазмом. Это место, эти раскаленные виноградники и холодные подвалы, эта смесь огромных денег и скрытой опасности будоражили ее кровь. Опасность всегда была сильнейшим афродизиаком.

Ей вдруг отчаянно, до боли в прикушенной губе, захотелось, чтобы сейчас в эту кабину шагнул мужчина. Мужчина, который не будет говорить пустых слов. Который просто прижмет ее к скользкому черному мрамору стены, властно разведет ее бедра и возьмет ее жестко, глубоко, выбивая из головы все мысли об аудитах, наследниках и трупах.

Она застонала, подставляя лицо под струи воды, смывая пену и это наваждение. Рано. Ей нужно сохранять холодный, аналитический рассудок. Завтра ей спускаться в подвал.

Выключив воду, Дарья завернулась в огромный пушистый халат и вышла в комнату. На прикроватной тумбочке, рядом с приветственной корзиной фруктов, стояла бутылка вина и один идеальный бокал из тончайшего стекла. Комплимент от заведения.

Дарья взяла бутылку. Это был местный Пино Нуар резервной линейки. Этикетка строгая, лаконичная. Год удачный. Она привычным, профессиональным движением откупорила бутылку — без штопора, просто провернув стеклянную пробку-винолок, — и налила немного в бокал.

Она вышла на широкую террасу. Южная ночь уже опустилась на долину, густая, черная, как чернила, проколота лишь яркими искрами звезд и далекими огнями побережья. В воздухе стрекотали миллионы цикад, создавая непрерывный, вибрирующий гул.

Дарья подняла бокал к лицу. Взболтала вино, позволяя ему омыть стенки. Вдохнула.

Аромат был сложным. Вишня, подлесок, немного влажной земли, тонкая нота кожи и... кровь? Нет, это минеральность местных почв давала такой железистый, солоноватый оттенок. Она сделала маленький глоток. Прокатала жидкость на языке, разбирая ее на молекулы. Тек-

стура бархатистая, танины мягкие, но с характером. Вино было отличным. Артур Дементьев знал, что делал.

Дарья смотрела вниз, туда, где в темноте угадывались массивные очертания исторического здания. Там, под многотонной толщей камня, лежала тайна.

Коллекция. Сердце «Русских Лоз». Миллионы долларов, запертые в стекле. И где-то там, среди стеллажей с пыльными бутылками, угас могучий, властный человек.

Она вспомнила липкий пот на руках Игоря и холодные, как лед, глаза Марины. Вспомнила отрепетированные фразы.

«Он не умер от инфаркта, — внезапно, с пугающей ясностью поняла Дарья. Это понимание пришло не из логики, а из инстинктов, обостренных одиночеством и вином. — В этой истории нет ни капли правды».

Она сделала еще один глоток, чувствуя, как терпкое вино обжигает горло, разливаясь по телу горячей волной. Внизу живота снова запульсировало желание — темное, тревожное и сладкое.

Завтра она спустится в этот погреб. И она найдет то, что они пытаются скрыть. Даже если для этого придется вывернуть наизнанку всю эту красивую, лживую семью.

Дарья допила вино, поставила бокал на парапет и, скинув халат, легла в огромную пустую кровать, позволяя прохладе простыней остудить ее разгоряченную кожу. Ночь перед погружением во тьму обещала быть долгой.

Сон был настолько крепким, что Дарья пропустила ужин.

ГЛАВА 2

Утро в предгорьях Крыма началось с ослепительного, почти агрессивного солнца, которое ворвалось сквозь неплотно задернутые тяжелые шторы блэкаут и прочертило на паркете сияющую, обжигающую полосу. Дарья проснулась до того, как сработал будильник. Ее внутренние часы, настроенные за годы работы на ритмы виноградной лозы и перелеты между часовыми поясами, безошибочно разбудили ее ровно в шесть тридцать.

Она лежала на спине в огромной, чужой постели, раскинув руки по прохладным простыням. Тонкая ткань ночной сорочки задралась до самых бедер, обнажая длинные, загорелые ноги. Дарья не спешила вставать. Она позволила себе несколько минут абсолютной физической тишины, прислушиваясь к ощущениям собственного тела. После вчерашнего перелета и тяжелого, пропитанного фальшью разговора с наследниками Дементьева, ее мышцы ныли, требуя движения и разрядки.

Ночная прохлада, еще державшаяся в комнате благодаря мощным кондиционерам, приятно контрастировала с горячими мыслями, которые крутились в ее голове. Дарья провела кончиками пальцев по своему животу, медленно спускаясь ниже, к кромке белья, просто чтобы убедиться, что она здесь, в моменте, полностью контролирует себя. Кожа отозвалась легкой, предвкушающей дрожью. Сегодня ей предстояло первое свидание. Свидание с историческим погребом «Русских Лоз» — местом, которое манило ее профессиональный ум и будоражило темные, инстинктивные страхи. Местом, где оборвалась жизнь властного человека.

Дарья откинула одеяло и грациозно поднялась. Утренний душ был быстрым, контрастным, смывающим остатки сна. Выбирая одежду для спуска под землю, она действовала с методичностью хирурга, готовящегося к сложной операции. В исторических подвалах температура всегда держится на строгой отметке в плюс двенадцать-четырнадцать градусов, а влажность достигает восьмидесяти процентов. Это идеальные условия для вина, но испытание для человеческого тела.

Она отказалась от белья с жесткими косточками, выбрав мягкий, бесшовный бра из черного кружева — он не стеснял движений, но давал то самое интимное ощущение собственной женственности, скрытой под рабочей броней. На ноги — плотные, идеально облегающие темные джинсы, подчеркивающие крутой изгиб бедер и длинные ноги. Наверх — тонкую водолазку из черного кашемира. Мягкая, дорогая шерсть ласково обняла тело, плотно обтянув высокую грудь. Дарья знала, что как только она спустится в ледяной подвал, соски неминуемо затвердеют, проступая сквозь тонкую ткань, но ее это не смущало. В ее профессии тело часто реагировало на запахи и температуру быстрее, чем мозг. Завершали образ удобные ботинки-челси на плоской, бесшумной подошве из каучука — стучать каблуками в храме вина было бы кощунством.

Волосы она собрала в строгий, тугий узел на затылке, открыв длинную, изящную шею. Никакого парфюма. Никакой ароматизированной косметики. Сомелье не имеет права приносить свои запахи туда, где дышит вино. Единственным ее оружием сегодня были глаза, рецепторы на языке и обостренная до предела интуиция.

Выйдя из гостевого крыла, Дарья миновала залитый солнцем внутренний двор. Воздух снаружи уже начал наливаться зноем. Пахло прогретым камнем, хвоей кипарисов и той неуловимой, сладковатой пылью, которая бывает только на юге. У массивных двойных дверей, ведущих в историческую часть винодельни, ее ждал один из охранников — крепкий, коротко стриженный парень с непроницаемым лицом. Он молча приложил магнитный ключ к панели. Тяжелая створка из мореного дуба, окованная черным металлом, бесшумно и плавно отворилась, приглашая ее войти.

Дарья шагнула через порог, и дверь за ее спиной мягко, но с неотвратимым щелчком закрылась, отрезая утренний свет, жару и звуки цикад.

Она оказалась в небольшом предбаннике, освещенном тусклыми желтыми бра. Прямо перед ней уходила вниз широкая, выбитая прямо в скале каменная лестница. Дарья сделала глубокий вдох. Переход был резким, почти шокирующим. Температура мгновенно упала градуса на пятнадцать. Воздух здесь был другим — плотным, тяжелым, настоящим.

Она начала спускаться. Ступени были истерты поколениями виноделов, местами в камне виднелись углубления от тяжелых бочек, которые когда-то скатывали здесь на канатах. С каждым шагом вниз Дарья физически ощущала, как меняется давление, как скала смыкается над ее головой, отрезая от привычного мира. Это было похоже на погружение под воду. Или на спуск в царство Аида.

И тут же на нее обрушилась симфония запахов. Для обычного человека это пахло бы просто сыростью и подвалом. Но рецепторы Дарьи моментально разложили этот густой аромат на молекулы.

Она уловила запах мокрого известняка — строгий, минеральный, холодный. Запах старого, потемневшего от времени дуба — ванильный, чуть сладковатый, с нотками жженой карамели и влажной древесины. И, конечно, запах вина. Он не был ярким или фруктовым; это был запах «доли ангелов» — тех микроскопических испарений алкоголя, которые десятилетиями просачивались сквозь поры бочек и пробок, оседая на стенах. Это был аромат времени. Аромат медленного, благородного старения, смешанный с легким душком благородной плесени, покрывавшей своды пушистым бархатом.

Кожа Дарьи моментально покрылась мурашками. Холод пробрался сквозь ткань водолазки. Как она и ожидала, соски болезненно, но сладко затвердели, чутко реагируя на ледяной поцелуй подземелья. Она поежилась, обхватив себя руками за плечи, и сделала последний шаг с лестницы на ровный каменный пол первого яруса.

Здесь царил полумрак. Тусклые лампы, вмонтированные в пол, давали лишь нижнюю, дежурную подсветку, выхватывая из темноты массивные колонны, поддерживающие сводчатые потолки. Тишина стояла такая плотная, что Дарья слышала собственное дыхание и глухой, ритмичный стук своего сердца. Казалось, время здесь действительно остановилось сто лет назад. Ничто не напоминало о том, что где-то наверху ездят машины, работают мобильные телефоны, люди суетятся и лгут друг другу. Здесь была только вечность, запертая в стекло и дерево.

Она медленно пошла по длинному коридору, вдоль которого тянулись каза, — специальные каменные ниши, заставленные бутылками. Они лежали стройными рядами, покрытые густым, серым налетом вековой пыли и паутины. Дарья остановилась возле одной из ниш. Она не стала дотрагиваться до стекла — это было строго запрещено до начала официальной описи, — но просто наклонилась ближе, вглядываясь в едва различимые силуэты бутылок.

Эти бутылки лежали здесь в темноте, в полном покое, медленно созревая, меняя свою структуру, перерождаясь, чтобы однажды взорваться на чем-то языке симфонией вкуса. Дарья всегда воспринимала вино как живой организм. Оно дышало, оно болело, оно могло умереть от плохой пробки или грубого обращения. И сейчас, окруженная десятками тысяч спящих жизней, она чувствовала странное, тягучее возбуждение. Это место резонировало с ее собственной скрытой страстью, с ее глубинным, женским естеством, требующим тайны, глубины и медленного, постепенного раскрытия.

Именно в эту атмосферу священнодействия грубо, диссонансом вторглись шаги.

Звук приближался из глубины правого тоннеля. Шаги были неровными, чуть шаркающими, словно человек шел с неохотой, постоянно спотыкаясь о собственные страхи.

Дарья выпрямилась, одернув водолазку, и повернулась на звук. Из мрака бокового коридора в тусклый круг света от напольной лампы вышел мужчина.

Это был Виктор Гуров, главный технолог «Русских Лоз». Мужчина, чьи руки непосредственно создавали то, чем гордился Артур Дементьев. На вид ему было около пятидесяти, хотя по документам, которые Дарья просматривала вечером, значилось сорок шесть. Подземелье и, очевидно, постоянный стресс не пощадили его.

Гуров был среднего роста, сухоощавый, с сутулыми плечами, одетый в плотную рабочую куртку и потертые вельветовые брюки. Лицо его было землистого оттенка, под глазами залегли глубокие, темные тени, а редкие русые волосы были небрежно зачесаны назад. Но больше всего Дарью поразил его взгляд. В нем плескалась какая-то затравленная, нервная суета. Он напоминал человека, который постоянно ждет удара в спину.

— Дарья Александровна? — голос у него был силовый, словно сорванный долгой простудой или курением, хотя в погребках курить строжайше запрещалось. — Доброе утро. Я Виктор Николаевич Гуров. Технолог. Мне велели... сопроводить вас и показать коллекцию.

Дарья шагнула к нему, протягивая руку.

— Рада знакомству, Виктор Николаевич. Да, работы предстоит много.

Гуров ответил на рукопожатие. Его пальцы оказались неожиданно сильными, мозолистыми — руки настоящего винодела, не боящегося грязи и тяжелого труда, — но ладонь была ледяной и влажной. Дарья моментально уловила исходящий от него запах. Сквозь стандартные ароматы погреба пробивался резкий, тревожный запах немытого несколько дней тела, застарелого пота, смешанного с сильным, почти хирургическим запахом мятных леденцов. Так пахнет страх. И так пахнет человек, пытающийся перебить перегар.

— Игорь Михайлович сказал, вы хотите провести полную опись, — Гуров убрал руку в карман куртки, словно пряча ее. Он не смотрел Дарье в глаза, его взгляд постоянно скользил по нишам с бутылками, по сводам потолка, куда угодно, только не на собеседницу. — Это займет недели. Здесь больше восьмидесяти тысяч единиц хранения. От урожая конца девятнадцатого века до современных резервных закладок.

— У меня есть время, — спокойно ответила Дарья, внимательно наблюдая за его микромимикой. У Гурова слегка подергивался уголок губ, а на лбу, несмотря на холод в помещении, выступила мелкая испарина. — Мне нужны будут ваши каталоги. Журналы закладки, инвентарные книги. Все, что велось при покойном Артуре Эдуардовиче.

Упоминание имени Дементьева подействовало на технолога как удар тока. Он вздрогнул, плечи его ссутулились еще больше.

— Артур Эдуардович... да. Журналы. Они есть. У меня в кабинете, наверху. Я принесу.

— Виктор Николаевич, — Дарья чуть понизила голос, делая его мягче, обволакивающим, словно пытаясь успокоить испуганное животное. Она знала, как использовать свою сексуальность и женственность не только для соблазнения, но и для того, чтобы вскрывать чужие защиты. Она сделала шаг ближе к нему, вторгаясь в его личное пространство. От нее пахло чистотой, теплом живого женского тела и едва уловимым ароматом кашемира. — Вы выглядите очень уставшим. Это понятно. Смерть хозяина, да еще прямо здесь, в погребе... Это огромный стресс для всех, кто с ним работал. Вы ведь были здесь в тот день?

Гуров отшатнулся от нее, словно она обожгла его. Его рука судорожно скользнула за пазуху рабочей куртки, и Дарья заметила, как он на мгновение прижал ладонь к груди, там, где во внутреннем кармане угадывались очертания чего-то плоского и твердого. Фляжка, машинально отметила она.

— Я... я ничего не видел, — быстро, глотая окончания слов, забормотал Гуров. — Я ушел раньше. В восемь вечера. Артур Эдуардович любил оставаться один. Он часто спускался сюда ночью. Говорил, что слушает, как вино дышит. Сердце... врачи сказали, это сердце. Работа на износ.

Он врал. Дарья видела это так же ясно, как видела осадок на дне бутылки старого Каберне. Его пульс бился на шее заполошной жилкой, а зрачки были расширены.

— Конечно. Сердце, — мягко, не споря, согласилась она. — Проведете меня в историческое ядро? К самым старым закладкам. Мне нужно оценить фронт работ.

Гуров судорожно кивнул, словно обрадовавшись поводу отвернуться от ее пронизательного, спокойного взгляда. Он достал из кармана связку ключей на длинной цепочке, и они пошли вглубь погреба.

Чем дальше они уходили по лабиринту, тем холоднее и тише становилось. Свет здесь был еще более скудным. Шуршание резиновой подошвы ботинок Дарьи и глухое шарканье шагов Гурова казались оглушительными. Дарья чувствовала себя так, словно они спускались в чрево огромного, спящего зверя. Темнота давила на плечи, воздух становился гуще, насыщеннее. Влажность оседала на лице невидимой прохладной росой.

Они подошли к массивной кованой решетке, перекрывающей узкий арочный проход. За ней угадывалось небольшое помещение, вырубленное прямо в монолитной скале.

Гуров долго возился с замком, его руки откровенно дрожали. Наконец, тяжелый замок поддался с глухим металлическим лязгом, эхом прокатившимся по галереям. Технолог толкнул решетку, нащупал на стене выключатель. Вспыхнул мягкий, направленный свет.

Дарья перешагнула порог и замерла, пораженная. Вся ее профессиональная выдержка дала трещину перед открывшимся зрелищем.

Это была святая святых. «Алмазный фонд» винодельни. На старинных дубовых стеллажах, сделанных без единого гвоздя, покоились сотни бутылок. Они не лежали в обычных казах, каждая из них занимала свое индивидуальное ложе. Бутылки были разной формы — пузатые, с длинными, изогнутыми горлышками, из толстого, непроницаемого темного стекла, покрытые такой густой, серой пылью времени, что казались высеченными из камня. На некоторых едва угадывались истлевшие бумажные этикетки с дореволюционными ятями, на других сургуч на горлышке превратился в монолитную окаменелость.

Здесь пахло иначе. Запах сырости отступил, уступив место невероятно сложному, благородному аромату. Так пахнет старая, очень дорогая сигарная коробка, сушеные трюфели, выделанная кожа и осенняя листва, тронутая первыми заморозками. Это был запах денег, власти и истории, законсервированный в стекле.

Дарья медленно подошла к центральному стеллажу. Ее дыхание стало частым, поверхностным. Она испытывала нечто сродни профессиональному экстазу. Желание прикоснуться к этим бутылкам, стереть бархатную пыль с этикетки, прочесть год, почувствовать холод стекла под пальцами было почти физически невыносимым, сравнимым с острым сексуальным голодом. Это была страсть сомелье, страсть коллекционера, стоящего перед абсолютным совершенством.

Она протянула руку к одной из бутылок, пальцы задрожали.

— Осторожно, — хрипло выдохнул Гуров за ее спиной.

Дарья замерла, не дотронувшись до стекла миллиметр. Она медленно повернула голову.

Технолог стоял в дверном проеме, прислонившись плечом к каменному косяку. Он отвернулся, вытащил из-за пазухи ту самую плоскую металлическую флягу, торопливо отвинтил крышку и сделал большой, жадный глоток. Дарья уловила резкий, спиртуозный запах крепкой домашней настойки, ударивший в ноздри даже сквозь благородный аромат погреба. Гуров шумно выдохнул, утирая губы тыльной стороной ладони, и спрятал флягу обратно.

Алкоголь, казалось, немного успокоил его нервную дрожь, но в глазах появилось выражение мрачной, затравленной решимости. Он смотрел на Дарью в упор.

— Что такое, Виктор Николаевич? — спокойно спросила она, опуская руку и поворачиваясь к нему всем корпусом. Она почувствовала, как внутри нее натягивается струна предчувствия. Напряжение в воздухе между ними стало плотным, искрящимся, как перед грозой.

Гуров сглотнул, его кадык нервно дернулся.

— Вы... вы специалист, Дарья Александровна. Вы лучшая, так Артур Эдуардович говорил. Он ради вас эту инвентаризацию и затеял. Ждал вас.

— Ждал? Но зачем? Если готовилась просто продажа доли, подошел бы любой независимый аудитор из Москвы.

Гуров покачал головой, и на его лице мелькнула странная, горькая усмешка. Он шагнул вглубь комнаты, подошел к соседнему стеллажу и провел рукой по запыленному стеклу одной из бутылок. Это было запрещено правилами хранения, но он, казалось, не обращал на это внимания. Его движения были резкими, полными скрытой агрессии.

— Продажа доли... — он усмехнулся. — Игорь Михайлович и эта... вдова... они вам много наговорят. Про бизнес, про цифры. Но Артур Эдуардович любил эти бутылки больше, чем людей. Он каждую знал в лицо. Каждую помнил.

Он замолчал, глядя на темное стекло, словно пытался разглядеть в нем свое отражение. Дарья не торопила его. Она умела держать паузу, позволяя тишине работать на нее. Она видела, как в этом сломленном человеке борется страх за свою жизнь с какой-то извращенной, болезненной преданностью покойному хозяину или своему ремеслу.

— И что же? — наконец, мягко подтолкнула она. — Почему он ждал именно меня?

Гуров резко обернулся. Его глаза, мутные от недавнего глотка алкоголя и бессонных ночей, лихорадочно блеснули в полумраке. Он подошел к ней почти вплотную. Дарья не отступила, хотя запах страха, перегара и пота ударил ей в лицо. Она стояла прямо, чувствуя, как холодный камень позади холодит лопатки сквозь кашемир, а горячее дыхание технолога обжигает щеку.

— Потому что вы умеете отличать правду от лжи на вкус, — прошептал он, и его голос сорвался на сип. Он оглянулся на темный зев коридора, словно боясь, что из мрака за ними кто-то наблюдает. — Будьте осторожны, Дарья Александровна. Вы смотрите на сокровища. Вы видите этикетки, сургуч, пыль. Но не верьте своим глазам.

Он наклонился еще ближе, так, что Дарья почувствовала жесткую щетину на его подбородке.

— Не все бутылки в этом подвале — то, чем кажутся на первый взгляд.

Дарья замерла. Сердце ухнуло куда-то вниз, в район солнечного сплетения. Мозаика в ее голове начала складываться, вырисовывая пугающую, уродливую картину. Фальсификация. Подделка. Самое страшное слово в мире коллекционных вин, способное уничтожить репутацию винодельни в один день.

— Что вы имеете в виду, Виктор Николаевич? — ее голос прозвучал тихо, но в нем лязгнула сталь. — Вы говорите о подмене? Кто-то трогал коллекцию?

Но Гуров уже отстранился. Искра решимости, вспыхнувшая в нем на секунду, погасла так же быстро, как загорелась. Лицо его снова стало серым, закрытым, маской испуганного подчиненного. Он тяжело задыхался, отступая к дверям.

— Я ничего не говорил. Я просто технолог, — быстро, суетливо забормотал он, отводя взгляд. — Вам нужны каталоги. Я пойду за ними. Я принесу их вам сюда. Вы пока осмотритесь. Ничего не трогайте. Я сейчас.

Он буквально выскользнул за решетку, не дожидаясь ее ответа. Дарья услышала, как его торопливые, шаркающие шаги удаляются по коридору, пока звук не растворился в вязкой тишине исторического яруса.

Она осталась одна. Абсолютно одна в каменном мешке на глубине двадцати метров, в окружении тысяч слепых стеклянных глаз.

Тишина сомкнулась вокруг нее, оглушающая, тяжелая. Дарья медленно повернулась к стеллажам. Сердце колотилось о ребра с такой силой, что, казалось, эхо должно отражаться от каменных сводов.

«Не все бутылки — то, чем кажутся».

Эта фраза пульсировала в висках, смешиваясь с дурманящим запахом старого вина. Если в коллекции есть фальсификат, и Артур Дементьев заподозрил это, наняв ее для проверки... значит, инфаркт был не случайностью. Убийца не просто убрал хозяина, он защищал тайну, стоящую миллионы долларов. Тайну, которая сейчас была скрыта где-то здесь, среди этой благородной пыли и плесени.

Дарья глубоко вдохнула ледяной воздух подземелья. Страх, который должен был сковать ее, неожиданно трансформировался в нечто иное. В охотничий азарт. В темное, горячее возбуждение, которое прокатилось по телу от кончиков пальцев до низа живота, заставив ее прикусить губу.

Она медленно подошла к стеллажу, сняла перчатку, которую до этого машинально достала из кармана, и, нарушая все правила, протянула обнаженную руку к ближайшей бутылке. Ее длинные, чувствительные пальцы с идеальным маникюром легли на холодное, пыльное стекло, повторяя его крутой изгиб, лаская пухлый бок. Стекло было мертвым, ледяным, но Дарье казалось, что под ним пульсирует скрытая, ядовитая жизнь.

Здесь, в темноте, началась игра. Игра со смертью, в которой ставками были не только деньги, но и правда. И Дарья, чувствуя, как холод подвала пробирает ее до костей, а кровь при этом кипит от адреналина, поняла, что уже не сможет, да и не захочет отступить. Она найдет эту ложь на вкус. Даже если ради этого придется спуститься на самое дно этого каменного ада.

ГЛАВА 3

Гуров так и не вернулся.

Дарья прождала его в историческом ядре подвала, среди пыльных бутылок и стылой, вязкой тишины, добрых сорок минут. Ледяной, влажный воздух подземелья, поначалу казавшийся лишь освежающим контрастом после южного зноя, постепенно пробрал ее до самых костей. Тонкая кашемировая водолазка, плотно облегавшая тело, больше не спасала. Дарья чувствовала, как холод ползет по ногам, как кожа покрывается мурашками, а пальцы рук начинают неприятно неметь. Но хуже физического холода был холод внутренний.

Слова исчезнувшего технолога — *«Не все бутылки в этом подвале — то, чем кажутся на первый взгляд»* — ядовитым эхом пульсировали в голове.

Наконец, осознав, что ждать бессмысленно и Гуров, скорее всего, в панике сбежал, Дарья решительно направилась к выходу. Подъем по истертым каменным ступеням казался бесконечным. Когда тяжелая, обитая кованым железом дубовая дверь предбанника с мягким, глухим щелчком выпустила ее наружу, на Дарью обрушился раскаленный, сухой крымский полдень.

Контраст был настолько резким, почти агрессивным, что она на мгновение зажмурилась, ослепленная безжалостным белым солнцем. Градусник на стене охранного поста показывал плюс тридцать четыре. Воздух дрожал и плавился над вымощенным светлым камнем двором. Он пах нагретой пылью, смолой кипарисов, лавандой и тем самым терпким, тяжелым духом зреющего на склонах винограда, который сводил с ума своей животной, первобытной силой.

Дарья стояла у дверей, позволяя жару жадно наброситься на ее озябшее тело. Кашемир мгновенно впитал тепло, согревая затвердевшие от подвального сквозняка соски, которые все еще болезненно и чувствительно терлись о ткань бесшовного белья. Это резкое переключение температур — от могильного холода склепа к обжигающему дыханию юга — заставило кровь быстрее побежать по венам. Внизу живота сладко и тяжело потянуло.

Она сделала глубокий вдох, расправляя плечи, и медленно пошла по аллее в сторону главного дегустационного комплекса. Ей нужно было выпить воды, согреться окончательно и, что самое главное, найти управляющего, чтобы затребовать каталоги, за которыми так и не сходил трусливый Гуров.

Главный дегустационный зал «Русских Лоз» представлял собой архитектурный шедевр, нависающий над долиной. Три его стены были сложены из грубого, неполированного известняка, сохраняя брутальную эстетику старого шато, а четвертая стена была полностью стеклянной — огромная панорама, открывавшая сумасшедший, кинематографичный вид на геометрически выверенные ряды виноградников, убегающие вниз, к сверкающей полоске моря.

Дарья толкнула массивную стеклянную дверь с ручкой в виде виноградной лозы и шагнула внутрь.

Здесь царил идеальный, искусственно поддерживаемый микроклимат. Мощные, но абсолютно бесшумные кондиционеры гнали прохладный воздух, пахнувший дорогим интерьерным парфюмом с нотами сандала, кедра и чистого озона. Помещение поражало размахом: высоченные потолки с обнаженными деревянными балками, в центре — гигантский дегустационный стол, сделанный из продольного спила векового дуба, отполированного до зеркального блеска, а вокруг него — тяжелые кресла из темно-коричневой кожи. Вдоль каменных стен тянулись витрины с лучшими образцами продукции завода, подсвеченные мягким, теплым светом.

Зал казался пустым, и Дарья уже собиралась пройти к стойке администратора, когда краем глаза уловила движение у самого окна.

Там, спиной к ней, стоял мужчина.

Он стоял неподвижно, заложив руки в карманы темно-синих, безупречно скроенных брюк, и смотрел на виноградники. Несмотря на расслабленную позу, в линии его плеч, в том,

как он держал спину, читалась абсолютная, звериная готовность к прыжку. На нем не было пиджака — только белоснежная рубашка из дорогого хлопка, облегающая широкую спину и узкую талию. Рукава были небрежно закатаны до локтей, обнажая сильные предплечья с темными волосками и массивный циферблат стальных часов на левом запястье.

Дарья замерла. В ее профессии умение читать детали было доведено до автоматизма. Мужчина не принадлежал к числу местных сотрудников — слишком дорогой крой одежды, слишком независимая, властная осанка. Он не был похож и на инвестора Пьера Ланвена, чьи фотографии она видела в досье. В этом незнакомце была какая-то жесткая, отточенная брутальность, не свойственная изнеженным европейским бизнесменам.

Словно почувствовав ее взгляд — физически ощутив его затылком, — мужчина медленно обернулся.

Их глаза встретились, и в воздухе между ними, несмотря на прохладу кондиционеров, словно проскочила высоковольтная дуга.

Ему было под сорок. Лицо его нельзя было назвать классически красивым — оно было слишком резким, с выдающимися скулами, упрямым, волевым подбородком, покрытым темной, уже явно не утренней щетиной, и прямым носом, который, судя по едва заметной горбинке, когда-то был сломан. Темно-каштановые волосы, коротко остриженные, слегка серебрились на висках, добавляя ему той самой зрелой мужской привлекательности, перед которой так сложно устоять. Но главным в его лице были глаза. Стальные, серо-голубые, невероятно холодные и проницательные. Это был взгляд хищника, сканирующего жертву, взгляд человека, который давно научился верить людям на слово и видит их насквозь — со всеми их пороками, страхами и маленькими грязными секретами.

Он окинул Дарью долгим, оценивающим взглядом. От макушки — туго стянутых темных волос, до кончиков ботинок-челси. Его взгляд скользнул по ее лицу, задержался на губах, медленно спустился ниже, безошибочно отмечая то, как тонкий кашемир водолазки обрисовывает высокую, тяжелую грудь и напрягшиеся соски, прошелся по изгибу талии и длинным ногам, обтянутым темным денимом. В этом взгляде не было сальной пошлости, но была откровенная, наглая, сугубо мужская оценка. Он смотрел на нее как на красивую, дорогую, но потенциально опасную вещь.

Дарья почувствовала, как по позвоночнику пробежала горячая волна. Это было возмутительно и... чертовски возбуждающе. Ее бывший муж, Антон, смотрел на нее исключительно как на красивый фон для своей гениальности. Этот же мужчина смотрел на нее так, словно прикидывал, сколько секунд ему понадобится, чтобы сорвать с нее одежду, и сколько минут — чтобы расколоть на допросе.

— Добрый день, — произнес он. Голос оказался под стать внешности: глубокий, низкий, с легкой хрипотцой и металлическими обертонами. Он не сделал ни шага навстречу, продолжая стоять у окна, как хозяин положения. — Вы, должно быть, Дарья Александровна Ветрова? Наш столичный оракул от мира забродившего виноградного сока.

Дарья чуть вздернула подбородок, включая свою привычную, наработанную годами профессиональную броню — смесь ледяной вежливости и высокомерной элегантности. Она медленно подошла к длинному дубовому столу, остановившись в нескольких метрах от него.

— Забродивший сок продают в картонных пакетах в супермаркетах у трассы, — холодно парировала она, скрестив руки на груди. Жест защитный, но он лишь сильнее подчеркнул форму ее груди, что не укрылось от стального взгляда незнакомца. — Здесь мы занимаемся искусством, историей и химией. А вы, надо полагать, местный призрак, пугающий гостей в отсутствие законных наследников? Или у этого призрака есть имя?

Мужчина коротко, сухо усмехнулся. Уголок его губ дрогнул, обнажив на мгновение белые зубы.

— Роман Белов, — он отделился от окна и сделал несколько неспешных, пружинистых шагов к столу. — Старший аудитор и финансовый следователь страховой компании. Приехал оценить, насколько искренне безутешные родственники оплакивают покойного Артура Дементьева. И, что гораздо важнее для моего руководства, насколько оправдана будет выплата астрономической суммы по полису страхования жизни ключевого лица бизнеса.

Он подошел к столу, оперся о него костяшками пальцев и наклонился вперед, вторгаясь в личное пространство Дарьи. От него пахло дорогим одеколоном с нотами ветивера, дубового мха, горького грейпфрута и... едва уловимым запахом сигаретного дыма и усталости. Это был горький, терпкий мужской запах, от которого у Дарьи мгновенно сбилось дыхание.

— Выплаты? — она выдержала его взгляд, хотя ей стоило огромных усилий не отступить ни на шаг. Она вспомнила цифры из открытого досье по сделке. — Кажется, Дементьев страховал свою жизнь на какую-то баснословную сумму перед заходом французского инвестора?

— Пятьдесят пять миллионов евро,, — мягко, почти интимно произнес Белов, и от этой цифры в воздухе повеяло настоящим холодом. — Полисы с таким покрытием не покупают просто так от насморка. Их покупают, когда знают, что рискуют. Или... когда планируют, что риск непременно наступит.

— Официальное заключение гласит: острая сердечная недостаточность, — Дарья подняла бровь, стараясь, чтобы ее голос звучал максимально отстраненно. — Человек много работал, жил в стрессе, спустился в холодный подвал. Сосуды не выдержали. Трагическая случайность. Или у страховых аудиторов теперь есть полномочия отменять законы биологии и выводы судмедэкспертизы?

Роман хмыкнул. Он обошел край стола, оказавшись к ней еще ближе. Дарья была высокой женщиной, да еще на плотной подошве ботинок, но он все равно возвышался над ней почти на полголовы, подавляя своей физической мощью.

— У бывших следователей по особо важным экономическим преступлениям, коим я имею честь являться, есть полезная привычка не верить в трагические случайности, когда на кону стоят пятьдесят пять миллионов, — парировал он. Его глаза сузились. — Посудите сами, Дарья Александровна. Человек расширяет страховку за три месяца до смерти. У него молодая, хваткая жена, с которой, по слухам, они давно спали в разных спальнях, и вечно недовольный, завистливый младший брат, считающий, что его обделили при разделе активов. И вот, накануне продажи доли французам, крепкий, как бык, пятидесятичетырехлетний мужчина, не имевший в анамнезе серьезных кардиологических проблем, спускается ночью в подвал. Один. И умирает. Как удобно, не правда ли? Ни свидетелей, ни камер видеонаблюдения, ни попыток позвать на помощь. Просто тихо лег между стеллажами и отдал богу душу, оставив родственникам чек на сумму, превышающую годовой бюджет небольшого города.

Дарья слушала его, и внутри у нее закипала странная смесь раздражения и восхищения. Белов мыслил четко, безжалостно, отсекая все эмоциональные шелуху, как скальпелем. В нем чувствовалась хватка хищника, который взял след. Он был из тех мужчин, которые не отступают, пока не докопаются до дна — и эта черта парадоксальным образом казалась ей невероятно сексуальной.

— И теперь вы подозреваете всех, — произнесла она, глядя прямо в его стальные глаза. — Игоря, вдову, французского партнера... Охрану, которая ничего не видела. Технолога Гурова...

При имени Гурова Белов чуть заметно напрягся. Его взгляд стал еще более цепким.

— Я подозреваю всех, кто имеет хотя бы косвенный мотив или профит с этой смерти, госпожа Ветрова. И, разумеется, я подозреваю вас.

Дарья задохнулась от возмущения. Ее глаза вспыхнули темным огнем. Она даже сделала шаг вперед, сокращая и без того опасную дистанцию между ними до минимума.

— Меня?! Вы в своем уме? — ее голос сорвался с ледяной надменности на искреннюю, жгучую злость. — Я прилетела сюда сегодня утром! Я даже не была знакома с Дементьевым

лично! Меня наняли для проведения независимого аудита коллекции. Моя работа — оценить вино, а не участвовать в семейных разборках за наследство!

Роман не шелохнулся. Он смотрел на ее раздурманившиеся от гнева щеки, на то, как гневно вздымается ее грудь, как дрожат тонкие ноздри. В его взгляде мелькнуло что-то похожее на удовлетворение — ему нравилось выводить ее из равновесия, сбивать с нее эту столичную, безупречную спесь.

— Лично не были знакомы — охотно верю, — протянул он, его голос стал обманчиво мягким, бархатным, словно он говорил с ней в спальне, а не на допросе. — Но в узком мире элитного алкоголя вы фигура более чем заметная. Лучший сомелье, независимый эксперт с безупречной репутацией. Ваш авторитет непререкаем. Ваша подпись под актом оценки стоит сотни тысяч евро.

Он вдруг поднял руку. Дарья инстинктивно вздрогнула, ожидая, что он к ней прикоснется, но Белов лишь медленно провел пальцем в воздухе, очерчивая контур ее лица, не касаясь кожи. Этот жест — фантомное прикосновение — обжег ее сильнее пощечины.

— Что, если коллекция «Русских Лоз» — это мыльный пузырь, Ветрова? — продолжил он, чеканя каждое слово. — Что, если самые ценные, исторические экземпляры давно вывезены и проданы через черные аукционы, а на их месте покоится дешевый фальсификат с переклеенными этикетками? Дементьев мог узнать об этом и поплатиться жизнью. Или, наоборот, он сам организовал эту схему вместе со своим братом и Ланвеном. А теперь, перед тем как пустить сюда иностранных аудиторов инвестора, им нужна легализация. Им нужна ширма. Идеальная, красивая, авторитетная ширма из Москвы. Вы.

Дарья слушала его обвинения, и в ее груди разгорался настоящий пожар. Как он смеет?! Ее десятилетний труд, ее репутация, заработанная бессонными ночами за книгами, тысячами слепых дегустаций, бесконечными перелетами — все это он сейчас втапывал в грязь своей паранойей!

— Вы наглый, самоуверенный хам, — процедила она сквозь зубы. Ее пальцы сжались в кулаки с такой силой, что ногти впились в ладони. — Моя репутация не продается ни за какие миллионы. Я оцениваю то, что находится в бутылке. Химию. Органолептику. Баланс. Историю, запертую под сургучом. В отличие от вас, кабинетных ищек, я умею отличать подлинник от подделки по одному лишь цвету и аромату! Я чувствую фальшь на вкус!

— О, я несколько не сомневаюсь в вашей чувствительности, Дарья, — Роман неожиданно шагнул к ней вплотную.

Дистанция между ними исчезла. Дарья оказалась зажатой между тяжелым краем дубового стола и мощным телом Белова. Она рефлекторно откинулась назад, упираясь поясницей в полированное дерево. Он навис над ней, его руки легли на кромку стола по обе стороны от ее бедер.

Воздух между ними стал густым, тяжелым, наэлектризованным до предела. Дарья чувствовала жар, исходящий от его груди сквозь тонкую ткань рубашки. Она видела каждую морщинку в уголках его стальных глаз, видела биение пульса на его шее. Ее собственное сердце колотилось где-то в гортани с оглушительным стуком, словно птица, бьющаяся в клетке.

Злость, страх и дикое, неконтролируемое влечение смешались в единый, пьянящий коктейль. Она хотела оттолкнуть его, ударить по этому самодовольному лицу, но ее тело предательски реагировало на его близость. Мышцы внизу живота напряглись, между бедер стало горячо и влажно. Этот мужчина излучал такую силу, что сопротивляться ей было почти физически больно.

Роман не отрывал взгляда от ее глаз. Его дыхание шевелило волосы у нее на виске.

— Я видел слишком много красивых женщин в дорогих платьях, — тихо, почти шепотом заговорил он. Его губы находились в опасной близости от ее лица. — Женщин с идеальными манерами и правильной речью, которые лгали под присягой, глядя мне прямо в глаза, за куда

меньшие деньги, чем те, что крутятся в этом подвале. Вы кажетесь мне человеком принципов. Но у каждого принципа есть своя цена. Вопрос лишь в количестве нулей и в степени испуга.

— Вы судите всех по себе или по тем уголовникам, с которыми привыкли иметь дело?

— Дарья не отвела взгляд. Она задрала подбородок, ее губы почти коснулись его подбородка.

— Если в вашем мире все покупается и продается, мне вас искренне жаль. В моем мире вино не умеет лгать. В отличие от людей.

Она произнесла это твердо, но предательская дрожь в голосе выдала ее с головой. И Белов это заметил. Его глаза на секунду потемнели, зрачки расширились. Он медленно, словно борясь с собственным искушением, опустил взгляд на ее губы. Дарья инстинктивно облизала пересохшие губы кончиком языка, и этот невинный, нервный жест заставил Романа шумно втянуть воздух сквозь зубы.

Напряжение достигло пика. Одно движение, один вздох — и эта перепалка неизбежно переросла бы во что-то совершенно иное, дикое и страстное прямо здесь, на этом дубовом столе.

Но Роман был человеком с железной выдержкой. Он медленно, с видимым усилием, отстранился, размыкая руки и выпуская ее из ловушки.

Дарья судорожно выдохнула, чувствуя, как слабеют колени. Ей потребовалась секунда, чтобы снова обрести почву под ногами и заставить маску холодной отстраненности вернуться на лицо.

Белов отошел на шаг, засунул руки глубоко в карманы брюк и отвернулся к окну, восстанавливая дыхание.

— Если вы действительно та, за кого себя выдаете, Дарья Александровна, — произнес он, и в его голосе снова зазвучала сухая, деловая сталь. — То вам следует быть предельно осторожной.

— Почему? Если это просто инфаркт, как утверждает семья...

— Потому что это не инфаркт, — резко оборвал он, поворачиваясь к ней. Ирония полностью исчезла из его лица, оставив лишь суровую, мрачную решимость. — Я осмотрел фотографии с места, которые сделал местный участковый до того, как тело увезли. У Дементьева на шее, под воротником рубашки, есть характерные красные пятна — петехии. Микрокровоизлияния. Они возникают при асфиксии. Его задушили, Ветрова. Прижали чем-то мягким или сдавили сонную артерию так профессионально, что не осталось явных синяков, а потом оставили тело в ледяном подвале, чтобы сосуды сузились, имитируя сердечный приступ на фоне спазма.

Дарья почувствовала, как остатки подвального холода возвращаются, но на этот раз они леденят душу, а не тело. Убийство. То, что она подсознательно чувствовала с первой минуты пребывания в «Русских Лозах», теперь обрело реальные, пугающие очертания.

Она вспомнила трясущиеся руки Гурова. Его затравленный взгляд и запах перегара, смешанный со страхом.

«Он остался там один, — с ужасом подумала она. — В том же самом подвале, где убили хозяина».

— Белов... — ее голос прозвучал тихо, почти жалобно. Вся ее бравада испарилась.

Она посмотрела на него. Теперь она видела перед собой не хама-аудитора, а единственного человека в этом доме, который не был частью этой грязной игры. Человека, который искал правду. И, возможно, единственного, кто мог ее защитить.

Роман моментально уловил перемену в ее тоне. Хищник уступил место следователю. Он подошел к ней, на этот раз не вторгаясь в личное пространство, а внимательно, напряженно вглядываясь в ее побелевшее лицо.

— Что? Что вы знаете, Дарья?

Она обхватила себя руками, снова почувствовав озноб.

— Я спускалась сегодня утром в историческое ядро. К старым закладкам, — медленно начала она, тщательно подбирая слова. Ей было страшно, но она понимала, что обратной дороги нет. — Меня должен был сопровождать Гуров. Технолог.

Белов подобрался, как гончая, услышавшая выстрел.

— И? Он там был?

— Был. Но он вел себя неадекватно. Он был в панике. Пил спиртное прямо из фляги. И он... он не пустил меня к бутылкам. Сказал, что принесет каталоги, и сбежал. Но перед этим...

Дарья замолчала, глядя в стальные, ожидающие глаза Романа.

— Что он сказал, Дарья? Говорите! Это может стоить ему жизни! — Белов не выдержал, схватил ее за плечи. Его пальцы впились в ее кожу сквозь кашемир, передавая ей его жесткую, требовательную энергию.

— Он сказал: «Не верьте своим глазам. Не все бутылки в этом подвале — то, чем кажутся».

Роман замер. Его пальцы на ее плечах сжались еще сильнее. В его глазах вспыхнуло торжество следователя, получившего ключевую улику, пополам с мрачным пониманием масштабов катастрофы.

— Подделки... — выдохнул он. — Дементьев обнаружил подделки перед сделкой. Или, что еще хуже, решил сдать схему, чтобы не сесть самому. И его убрали. А Гуров знает, кто это сделал, потому что именно он, как главный технолог, должен был этикетки переклеивать и химию подгонять.

Он отпустил ее плечи, отступил назад и провел рукой по своим коротким волосам, чертыхнувшись сквозь зубы.

— Где он сейчас? Гуров? — Роман поднял на нее глаза.

— Я ждала его сорок минут. Он не вернулся. Я думала, он поднялся сюда, за документами...

— Идиот, — прорычал Белов, бросаясь к стулу и подхватывая свой пиджак. — Он подписал себе смертный приговор, если начал болтать. Тот, кто задушил Дементьева, не оставит в живых слабое звено.

Он резко обернулся к Дарье. В его взгляде больше не было ни иронии, ни насмешки. Только холодная, профессиональная собранность и властный приказ.

— Слушайте меня внимательно, Ветрова, — произнес он, быстро надевая пиджак. — Забудьте о своей профессиональной гордости. Здесь идет игра на выживание. С этого момента вы не ходите в подвал одна. Вы не пьете ничего, что вам предлагают в этом доме, кроме закрытых бутылок, которые откроете сами. И вы не делитесь ни с кем из семьи своими подозрениями насчет коллекции. Ни с вдовой, ни с Игорем. Поняли меня?

Дарья кивнула. Сердце колотилось тяжело и гулко.

— А вы? Что будете делать вы? — спросила она, удивляясь тому, как твердо звучит ее голос.

Роман подошел к двери, но перед тем как выйти, обернулся. Его губы тронула кривая, хищная усмешка, а в глазах снова блеснул тот самый первобытный, мужской интерес, от которого у Дарьи сладко заныло внизу живота.

— А я пойду найду нашего перепуганного технолога, Дарья Александровна. До того, как он случайно захлебнется в бочке с собственным вином. Ждите меня здесь. У нас с вами впереди много работы. И, кажется, нам все-таки придется открыть парочку бутылок, чтобы докопаться до истины.

Дверь за ним захлопнулась, оставив Дарью одну в гулкой тишине дегустационного зала. Воздух все еще хранил запах его парфюма. Она прислонилась бедрами к дубовому столу, закрыла глаза и шумно выдохнула.

ГЛАВА 4

Белый, хрустящий лист официального бланка лежал на массивном столе из карельской березы, словно издевательство. Слово белый флаг, выброшенный здравым смыслом перед лицом наглой, всепоглощающей лжи.

Роман Белов стоял у окна в кабинете управляющего «Русскими Лозами», скрестив руки на груди, и немигающим взглядом смотрел на следователя местного районного управления. Капитан полиции, Пономарев, грузный, лысеющий мужчина лет сорока пяти, отчаянно потел в своей форменной рубашке с коротким рукавом. Кондиционер в кабинете работал на полную мощность, но Пономарев непрерывно промокал багровеющую шею скомканным носовым платком. Ему было явно не по себе под тяжелым, стальным, сканирующим взглядом бывшего следователя по особо важным делам.

— Острая сердечно-сосудистая недостаточность, — медленно, пробуя каждое слово на вкус, как прокисшее молоко, произнес Роман. Он не отрывал взгляда от Пономарева. — Ишемическая болезнь сердца. Атеросклероз аорты. Я ничего не упустил, капитан?

— Никак нет, Роман Сергеевич, — хрипло отозвался Пономарев, отводя глаза и перекладывая на столе какую-то ненужную папку. — Экспертиза проведена по всем правилам. Вскрытие показало обширный некроз миокарда. Возраст, стрессы... Сами понимаете, человек владел такой империей, тут спать некогда, не то что о здоровье думать. Плюс перепад температур. На улице за тридцать, в подвале — двенадцать. Сосуды сузились, спазм, и всё. Мгновенная смерть.

Роман оттолкнулся от подоконника и бесшумным, пружинистым шагом хищника подошел к столу. Он навис над следователем, упираясь костяшками пальцев в столешницу.

— А теперь послушайте меня внимательно, Пономарев, — голос Белова звучал тихо, но в этой тишине лязгал металл, от которого капитану захотелось вжаться в кресло. — Я читал копию медицинской карты Дементьева, приложенную к страховому полису. Полгода назад он проходил полное обследование в Лозанне. Его коронарные артерии были чисты, как горный ручей. Он трижды в неделю играл в большой теннис и плавал в бассейне. Сердце у него было, как пламенный мотор. От таких «спазмов» люди с его анамнезом не умирают.

— Ну... медицина — наука неточная, всякое бывает... Тромб оторвался, давление скакнуло... — забормотал следователь, окончательно стушевавшись.

— Где результаты токсикологического скрининга? — оборвал его Роман. — Где гистология тканей? Вы обязаны были назначить расширенную экспертизу, учитывая статус покойного и обстоятельства смерти в одиночестве!

Пономарев тяжело вздохнул, его маленькие, заплывшие глазки забегали.

— Не было оснований для расширенной экспертизы, Роман Сергеевич. Тело было обнаружено без признаков насильственной смерти. Никаких следов борьбы, крови, синяков. Семья опознала тело. Вдова и брат написали официальное заявление с просьбой не затягивать процедуру и выдать тело для захоронения. Точнее, для кремации, согласно воле покойного. Местный лечащий врач подтвердил возможность ИБС. Мы действуем строго в рамках УПК. Дело закрыто за отсутствием состава преступления.

Роман выпрямился. Его челюсти сжались так, что на скулах заиграли желваки.

— Вы видели фотографии с места обнаружения тела, капитан? До того, как его перевернули и уложили на носилки?

— Разумеется. Мои ребята фотографировали.

— И вы не заметили петехиальных кровоизлияний на шее, чуть ниже линии воротника? Мелких красных точек, которые появляются, когда человеку профессионально, мягко, но неумолимо пережимают сонную артерию?

Лицо Пономарева пошло красными пятнами. Он схватил со стола фуражку и скомкал ее в потных руках.

— Никаких петехий в официальном отчете судмедэксперта не зафиксировано! — голос капитана сорвался на визг, выдавая его панику. — Вы, Белов, может, в своей Москве и привыкли во всем видеть заговоры, а у нас тут все просто. Сердце не выдержало! Я вам документ привез, печать стоит. Все! Моя работа закончена. А вы, если хотите оспаривать — пишите жалобы в прокуратуру. Только тело уже вчера вечером кремировали в Симферополе. Улик нет. До свидания.

Пономарев почти бегом выскочил из кабинета, громко хлопнув дверью, словно спасался от дьявола.

Роман остался один. Он посмотрел на белый лист с гербовой печатью. Дело было закрыто с пугающей, тошнотворной поспешностью. Местная машина круговой поруки сработала безупречно. Белов прекрасно понимал, как это делается. Глава районной администрации, Валерий Стеценко, который годами кормился с земельных схем «Русских Лоз», наверняка сделал один телефонный звонок начальнику полиции, а тот — главному врачу морга. «Оформите потихому, не создавайте проблем инвесторам и уважаемым людям». И эксперт не заметил петехий. И токсикологию «забыли» назначить. А наследники, Марина и Игорь, с радостью подмахнули все бумаги, чтобы поскорее превратить тело, которое могло рассказать слишком много тайн, в горстку безопасного, немногого пепла.

Роман сгреб заключение со стола, сунул его во внутренний карман пиджака и вышел в коридор. Ему нужен был разговор с семьей. Прямо сейчас.

Он нашел их на просторной, затененной маркизами террасе южного крыла.

Картина, представшая его глазам, никак не монтировалась с домом, где всего пару дней назад погиб глава семьи.

Марина Дементьева полулежала в плетеном шезлонге из ротанга. На ней был свободный черный шелковый халат-кимоно, который, впрочем, скорее подчеркивал, чем скрывал ее роскошную, ухоженную фигуру. На столике рядом с ней стоял запотевший хрустальный бокал с розовым шампанским и блюдо с клубникой. Вдова лениво листала глянцевого журнала об архитектуре, и на ее красивом, породистом лице не было ни тени скорби. Лишь легкая, почти кошачья расслабленность человека, который только что сбросил с плеч тяжелый груз.

Игорь сидел за круглым столом чуть поодаль. Перед ним были разложены какие-то чертежи и графики, а в руке он держал низкий стакан с виски. Было около четырех часов дня, но, судя по мутному взгляду и красным прожилкам на белках глаз, это был далеко не первый его стакан за сегодня.

Роман шагнул на террасу. Звук его шагов по террасной доске заставил их обернуться.

— Добрый день, безутешные родственники, — ледяным, режущим тоном произнес Белов. Он остановился в центре террасы, словно темная грозовая туча, заслонившая солнце. — Празднуете?

Марина медленно отложила журнал. Ее зеленые глаза сузились, оценивая фигуру Романа. В ее взгляде не было страха, только холодный, циничный расчет.

— Мы пытаемся прийти в себя, господин Белов, — бархатным, глубоким голосом ответила она, делая грациозный глоток шампанского. — Врач прописал мне покой. У Игоря на плечах теперь весь операционный бизнес. Мы работаем. А вот что здесь делаете вы? Ваша миссия, насколько я понимаю, близится к завершению.

Роман достал из кармана сложенный вдвое лист и бросил его на стол поверх чертежей Игоря.

— Только что отбыл капитан Пономарев. Привез официальную справку о смерти от острой сердечной недостаточности. И радостно сообщил мне, что тело Артура Эдуардовича было кремировано. С невероятной, я бы сказал, рекордной для нашей бюрократии скоростью.

Игорь вздрогнул, стакан в его руке звякнул о столешницу. Он посмотрел на бумагу, как на ядовитую змею, но затем заставил себя расправить плечи и напустить на лицо суровое выражение.

— Это была воля моего брата, — хрипло, с вызовом ответил он. — Он написал это в завещании черным по белому. Клаустрофобия. Он не переносил мысли о гробе под землей. Мы лишь исполнили его желание. Что в этом криминального?

— Криминального? — Роман усмехнулся. Эта усмешка не сулила ничего хорошего. Он подошел ближе к Марине, возвышаясь над ее шезлонгом. — Вы сожгли главную улику, господи. До того, как независимый эксперт страховой компании успел ее осмотреть. Вы подписали отказ от претензий и закрыли дело за сутки. Вы ведете себя не как скорбящая семья, а как люди, которым очень нужно было спрятать концы в воду до приезда француза Ланвена.

Марина медленно поднялась с шезлонга. Кимоно распахнулось, обнажив стройные, загорелые ноги до самого бедра, но вдову это совершенно не смутило. Она подошла к Роману почти вплотную, обдав его ароматом дорогих духов с запахом туберозы и черного перца.

— Вы переходите границы, Белов, — прошипела она, глядя ему прямо в глаза. — Полиция дала заключение. Медики дали заключение. У вас нет ни одного основания подозревать нас в чем-либо, кроме вашего больного профессионального воображения. Мой муж умер от инфаркта. Точка. Страховой случай наступил. Вы обязаны передать документы на выплату.

— Я обязан защищать деньги своей компании от мошенников, — жестко парировал Роман, не отстраняясь. — Пятьдесят пять миллионов евро. И пока я не подпишу акт расследования, вы не получите ни цента. Даже если вам придется продать Ланвену свои собственные почки, чтобы закрыть кредиты Артура.

Лицо Игоря побагровело. Он вскочил из-за стола, едва не опрокинув виски.

— Да как вы смеете?! Вы в моем доме! Я сейчас же позвоню вашему руководству в Москву! Вас вышвырнут отсюда с волчьим билетом!

— Звоните, Игорь Михайлович, — Роман повернулся к нему, и в его глазах вспыхнул такой ледяной, уничтожающий свет, что младший Дементьев осекся на полуслове. — Звоните. Расскажите им, как вы боитесь аудитора. А заодно расскажите, где сейчас находится ваш главный технолог Виктор Гуров, который исчез сегодня утром сразу после того, как намекнул, что в ваших хваленой исторических подвалах хранится фальсификат.

Эта фраза произвела эффект разорвавшейся бомбы.

Марина застыла, ее лицо, до этого безупречно спокойное, вдруг осунулось, постарев на несколько лет за секунду. Шампанское в ее бокале мелко задрожало. Игорь побледнел так резко, что стал похож на полотно, его губы затряслись.

— Что... что вы несете? Какой фальсификат? Какой Гуров? — пролепетал он, пятясь назад и натываясь на стол.

— Тот самый, который, видимо, знал слишком много о том, почему Артур спустился в ту ночь в подвал, — Роман нанес последний, безжалостный удар. — Вы так торопились закрыть дело о смерти от «инфаркта», что забыли об одном. Если коллекция поддельная, полис аннулируется автоматически, по статье о предоставлении заведомо ложных сведений при страховании активов. И тогда вы не просто останетесь без миллионов. Вами займется отдел по борьбе с экономическими преступлениями. А там сидят люди, с которыми ваш местный ручной чиновник Стеценко договориться не сможет.

Не говоря больше ни слова, Роман развернулся и покинул террасу, оставив наследников в состоянии абсолютного, парализующего ужаса.

Ему нужно было найти Дарью. Прямо сейчас. Игра перестала быть просто бумажной волокитей. Она превратилась в гонку со смертью.

В это же время Дарья Ветрова находилась в старом архиве имения, расположенном на втором этаже административного корпуса.

Это была просторная, вытянутая комната с высокими, сводчатыми потолками, заставленная тяжелыми дубовыми стеллажами. Воздух здесь был сухим и неподвижным. Пахло старой бумагой, типографской краской, нагретым на солнце деревом и легкой, благородной пылью. Тяжелые бархатные шторы на окнах были наполовину задернуты, защищая ценные бумаги от безжалостного крымского солнца, и в комнате царил мягкий, золотистый полумрак, в котором лениво кружились пылинки.

Дарья сидела за длинным столом для чтения, освещенным лампой с зеленым стеклянным абажуром. На столе перед ней громоздились тяжелые, переплетенные в толстую телячью кожу инвентарные книги, журналы дегустаций и папки с результатами химических анализов.

Она сняла свои ботинки-челси, оставшись в одних тонких черных носках, и поджала ноги под себя на глубоком стуле. В архиве было душно. Она расстегнула две верхние пуговицы своей шелковой блузы. На шее блестела легкая испарина.

Но жар, который она испытывала, был вызван не только температурой в комнате. Это был жар интеллектуального азарта, смешанный с растущим чувством тревоги и странным, пульсирующим возбуждением, которое оставил после себя Роман Белов.

Слова Гурова жгли ее мозг: «*Не верьте своим глазам. Не все бутылки — то, чем кажутся*». И она искала. Искала так, как умела только она — въедливо, дотошно, опираясь на свою феноменальную память сомелье.

Дарья открыла каталог номер четыре — «Специальный исторический резерв. Урожай Бордо и Бургундии до 1980 года». Записи велись вручную, аккуратным, чуть наклонным почерком. Гуровским почерком.

Ее палец с идеальным, темным маникюром медленно скользил по строчкам.

Позиция 412. Château Cheval Blanc. Урожай 1947 года.

Святой Грааль для коллекционеров. Одно из величайших вин двадцатого века. Цена на аукционах — от двадцати до тридцати тысяч долларов за бутылку. В коллекции «Русских Лоз» числилось двенадцать таких бутылок.

Дарья вчиталась в описание тары и состояния пробки, внесенное в каталог при последней инвентаризации год назад.

«Бутылка: темно-зеленое стекло, объем 0.75 л. Капсюль: фольга свинцовая, цвет красный, штамп замка. Пробка: корковая, длина 49 мм».

Она замерла. Глаза ее расширились.

— Бред... — прошептала она в абсолютной тишине архива. — Этого не может быть.

Она придвинула к себе ноутбук, хотя и так прекрасно знала ответ. В 1947 году, в послевоенной Франции, был жесточайший дефицит стандартных бутылок. *Château Cheval Blanc* в тот легендарный год разливали в бутылки самых разных форм, собранные по всем окрестностям, и чаще всего они имели объем 0.73 литра или были так называемыми «бельгийскими» розливами! И капсюли! Из-за нехватки свинца многие шато в конце сороковых годов использовали воск или дешевые сургучные заливки. Свинцовая фольга со штампом в идеальном состоянии на всех двенадцати бутылках? Это было невозможно.

Дарья судорожно перевернула страницу. Сердце забило быстрее, отдаваясь гулкими ударами в висках и где-то внизу живота. Она чувствовала себя сыщиком, нашедшим окровавленный нож. Только ее уликами были миллилитры и формы стекла.

Позиция 508. Domaine de la Romanée-Conti, La Tâche. Урожай 1978 года.

Описание химического анализа, приложенное на соседней странице, гласило: «Алкоголь: 14.5%. Остаточный сахар: 2.1 г/л».

Дарья закрыла лицо руками и нервно, истерично рассмеялась.

Четырнадцать с половиной процентов алкоголя в Бургундии в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году?! До эпохи глобального потепления, до появления современных высокоэффективных дрожжей? В тот холодный, дождливый год пино нуар едва набрал сахар для

двенадцати процентов! Четырнадцать с половиной — это показатели современного, согретого южным солнцем австралийского шираза или перезревшего калифорнийского каберне, но никак не классической французской Бургундии!

— Он знал, — горячо зашептала она, впиваясь ногтями в кожаный переплет каталога. — Гуров всё знал!

Технолог, заполнявший эти каталоги, намеренно вносил в них данные, которые выглядели правдоподобно для дилетантов, страховщиков и инвесторов-бухгалтеров. Они видели красивое название, штамп лаборатории и успокаивались. Но Гуров оставил эти нестыковки как маяки. Как крик о помощи для первого же настоящего специалиста, который откроет эти страницы.

Он кричал ей со страниц этого каталога: *«Это подделка! Это дешевое пойло, налитое в старые бутылки! Спаси меня!»*.

Дарья вскочила со стула. Она не могла больше сидеть. Возбуждение переполняло ее. Масштаб аферы был колоссальным. Речь шла не о паре подмененных бутылок. Речь шла о десятках миллионов долларов. Кто-то систематически, годами выводил из исторических погребов подлинные коллекционные вина, продавал их на черном рынке в Азии или Европе, а на их место ставил искусно выполненные фальшивки, изготовленные прямо здесь, на местном вино-материале!

И Артур Дементьев... Если он узнал об этом перед аудитом для французов, он должен был прийти в ярость. Он собирался уничтожить мошенников. И поэтому его задушили в собственном подвале, оставив лежать среди бутылок с фальшивым величием.

Дверь архива с легким скрипом отворилась.

Дарья резко обернулась, инстинктивно прижимая к груди тяжелый том каталога, словно щит. Ее глаза лихорадочно блеснули, грудь тяжело вздымалась под шелком расстегнутой блузы, а на щеках горел яркий румянец.

В дверях стоял Роман Белов.

Он выглядел уставшим, опасным и невероятно притягательным. Пиджак он снял и перекинул через плечо. Галстук был ослаблен, верхняя пуговица рубашки расстегнута. Его стальные глаза мгновенно оценили обстановку: растрепанные волосы Дарьи, ее босые ноги в носках, гору перерытых документов на столе и ту дикую, необузданную энергию, которая сейчас исходила от нее.

Роман вошел, закрыл за собой дверь на замок и повернул ключ. Громкий щелчок в тишине архива прозвучал как выстрел.

Он подошел к столу, бросил пиджак на соседний стул.

— Официальная версия — сердечный приступ, — хрипло произнес он, не сводя с нее тяжелого взгляда. — Местные мусора закрыли дело. Тело кремировали вчера вечером. Игорек и вдовушка потирают руки в ожидании французских денег и моих страховых выплат.

Дарья медленно опустила каталог на стол. Ее руки слегка дрожали. Ощущение, что они оказались запертыми в клетке с тиграми, стало абсолютным.

— Они не получают ни того, ни другого, Роман, — произнесла она. Ее голос сорвался, прозвучав низко и интимно.

Белов сделал шаг к ней. Расстояние между ними сократилось до полуметра. От него исходил жар, запах табака, терпкого одеколона и сдерживаемой мужской агрессии.

— Что вы нашли, Даша? — тихо спросил он, и то, как он произнес ее имя, заставило ее сердце пропустить удар.

Она повернулась к столу, положила ладони на раскрытые страницы и посмотрела на него снизу вверх.

— Я нашла мотив, — сказала она, и в ее глазах вспыхнул триумф. — Эта коллекция — фальшивка. Топорная, наглая, масштабная ложь.

Роман подошел к ней вплотную. Он встал позади нее. Дарья почувствовала спиной твердость его груди. Жар его тела мгновенно передался ей сквозь тонкий шелк блузы. Ее дыхание перехватило.

— Покажите, — выдохнул он ей прямо в шею, обдавая чувствительную кожу горячим дыханием.

Дарья с трудом заставила себя сфокусироваться на строчках, хотя все ее существо сейчас было сосредоточено на близости этого мужчины.

— Вот здесь, — она ткнула пальцем в запись о *Cheval Blanc*. — Указаны свинцовые капли и бутылки стандартного объема для 1947 года. Это исторический нонсенс. Так не бывает. А вот здесь, — она перевернула страницу, ее рука дрогнула, случайно коснувшись его пальцев, лежащих на столе. Роман не отодвинул руку. Напротив, он чуть сдвинул свои пальцы, накрыв ее мизинец своим. Дарью бросило в жар. — Здесь указан процент алкоголя для бургундского пино нуар семьдесят восьмого года. Четырнадцать с половиной. В тот год во Франции стоял холод. Виноград еле вызрел. Там не могло быть больше двенадцати.

Она повернула голову. Их лица оказались в нескольких сантиметрах друг от друга.

— Это вино сделали здесь, Роман. На местном заводе. Взяли густой, мощный южный виноматериал, добавили дубовой стружки для имитации выдержки, разлили в старые бутылки и закупорили. Гуров вел эти каталоги. Он был обязан вносить результаты химического анализа в реестр для страховщиков. И он внес правду. Реальные цифры этого фальсификата. Понимаете? Инвесторы смотрят на бумажки и видят красивые названия. А специалист смотрит на цифры — и видит дешевую подделку.

Роман не смотрел на каталог. Он смотрел в ее глаза — огромные, темные, расширенные от адреналина.

— Гуров оставил следы, — прошептал Белов, не отодвигаясь ни на миллиметр. — Он испугался. Дементьев, видимо, решил провести выборочную дегустацию перед сделкой и понял, что его грабят. Он начал копать. И тот, кто стоит за этим — Игорь, Ланвен, или сама скорбящая вдовушка, — понял, что запахло жареным.

— И они убили его, — так же тихо отозвалась Дарья. Ее губы находились так близко к его губам, что она чувствовала вкус его дыхания. — И сожгли тело. А теперь Гуров... Гуров исчез. Он был единственным, кто знал всю технологическую цепочку этой подмены.

— Если они убрали Дементьева, они уберут и Гурова. И они могут прийти за вами, Даша, — жестко произнес Роман.

Его рука оторвалась от стола и легла на ее талию. Жест был собственническим, властным. Его горячие пальцы скользнули по шелку, притягивая ее ближе к себе. Дарья не сопротивлялась. Напротив, она подалась назад, вжимаясь ягодицами в его пах. Она почувствовала его твердость, его явное, не скрываемое мужское желание, которое вспыхнуло с невероятной силой.

Роман медленно, словно давая ей возможность отстраниться, опустил лицо, зарываясь носом в ее волосы, вдыхая ее запах. Его губы коснулись ее обнаженной шеи, там, где бешено билась жилка пульса. Поцелуй был сухим, горячим, требовательным.

Дарья запрокинула голову, тихо, прерывисто вздохнув. Ее веки тяжело опустились. Вся логика, весь профессионализм отступили перед этой первобытной потребностью быть рядом с ним, чувствовать его силу. Ее руки сами собой потянулись назад, обхватывая его за шею.

— Роман... — прошептала она, теряясь в ощущениях от того, как его губы спускаются ниже, к ключице, обжигая кожу.

— Мы не можем никому верить в этом проклятом доме, — глухо пробормотал он, разворачивая ее к себе лицом.

Он обхватил ее лицо обеими ладонями. Его стальные глаза сейчас были почти черными от желания.

— Мы найдем этого труса Гурова. Мы вытащим из него всё, — Роман говорил это, глядя на ее губы. — А потом мы уничтожим их всех.

И он накрыл ее рот своим.

Это был поцелуй мужчины, который осознал ценность женщины в своих руках, и женщины, которая нашла того, кому готова сдаться. Его язык властно и глубоко проник за ее губы, пробуя на вкус ее согласие. Дарья ответила с такой же жадной, отчаянной страстью. Она вплела пальцы в его жесткие волосы, прижимаясь к его сильному, горячему телу всем своим существом, чувствуя, как под тонким шелком ее блузы затвердевшие соски болезненно и сладко трутся о жесткую ткань его рубашки.

Они стояли посреди архива, окруженные документами, чужими тайнами и смертью, и пили друг друга, как самое дорогое, самое подлинное вино в своей жизни. Воздух вокруг них был наэлектризован до предела. Опасность стала лучшим афродизиаком, и они оба понимали, что с этой секунды назад пути уже нет. Ни в расследовании. Ни в том, что зарождалось между ними в этой душной, полутемной комнате.

ГЛАВА 5

Стрелки массивных напольных часов в углу дегустационного зала, выполненных из темного, мореного дуба, бесшумно сошлись на цифре двенадцать. Полночь.

Имение «Русские Лозы» погрузилось в густую, непроницаемую, пугающую тишину, которая бывает только вдали от больших городов. За огромными панорамными окнами зала простиралась абсолютная, бархатная крымская тьма, проколота лишь колючим серебром далеких звезд да редким, монотонным стрекотанием ночных цикад. В стекле, как в огромном черном зеркале, отражалось внутреннее убранство комнаты: массивные каменные стены, витрины с бутылками, тяжелая кожаная мебель и две фигуры, склонившиеся над длинным дубовым столом.

Дарья и Роман перебрались сюда из душевного архива около двух часов назад, захватив с собой часть инвентарных книг Гурова и финансовые отчеты, которые Белов успел истребовать у бухгалтерии до конца рабочего дня. Тот внезапный, обжигающий поцелуй между стеллажами архива все еще висел между ними невидимым, но осязаемым электрическим полем. Они не обсуждали его. Они словно заключили негласный пакт — сначала работа, сначала доказательства, а потом... А то, что будет «потом», заставляло кровь Дарьи пульсировать гулками, горячими толчками где-то внизу живота при каждом случайном пересечении их взглядов.

В дегустационном зале горел лишь один торшер с большим тканевым абажуром, отбрасывая на полированную столешницу круг теплого, золотистого света.

Дарья сидела, подперев голову рукой, и вчитывалась в столбцы цифр. Ее шелковая блуза глубокого изумрудного цвета слегка помялась, верхние пуговицы были растянуты, открывая ложбинку между грудей и тонкую цепочку с маленьким бриллиантом, который вздрагивал в такт ее дыханию. Она чувствовала себя невероятно уставшей, но эта усталость была наполнена звенящим адреналином.

Роман сидел напротив. Он давно снял пиджак и бросил его на спинку соседнего кресла. Галстук исчез в кармане, а рукава белоснежной рубашки, идеально контрастирующей с его смуглой кожей, были закатаны до локтей, обнажая сильные, жилистые предплечья. Белов тер переносицу двумя пальцами, глядя в экран своего ноутбука воспаленными от напряжения глазами.

— Мы ходим по кругу, — наконец хрипло произнес Роман, захлопывая крышку ноутбука с резким, сухим щелчком, который эхом разнесся по залу. — По бумагам, которые оставил Дементьев, комар носа не подточит. Идеальный баланс. Инвестиции Ланвена заходят чисто. Расходы на закупку оборудования, зарплаты, налоги — все бьется до копейки. Гуров был прав. Для бухгалтеров и страховщиков эта империя выглядит безупречно. Фальсификат защит на уровне сырья и технологии, а не финансов.

Дарья откинулась на спинку кресла, потирая уставшие глаза.

— Гуров оставил следы только в химических характеристиках и описаниях тары. В тех вещах, которые понимает только узкий специалист, — тихо согласилась она. — Он кричал о помощи, но делал это так, чтобы Игорь или Марина, просматривая журналы, ничего не заподозрили. Они ведь не знают, какой формы должно быть донышко у бутылки сорок седьмого года и какая там кислотность.

— Улики косвенные. Для полиции и суда ваши знания о форме бутылок — не аргумент для возбуждения дела об убийстве, — Роман откинулся на спинку, тяжело глядя на нее. — Нам нужны жесткие доказательства. Нам нужно доказать, что в этих бутылках за десятки тысяч евро налита дешевая бормотуха.

Дарья посмотрела на него. В ее глазах вспыхнул тот самый охотничий азарт, который делал ее лучшей в своей профессии.

Она молча поднялась с кресла, подошла к небольшой нише в каменной стене, где располагался климатический винный шкаф для текущих дегустаций, и вытащила оттуда бутылку.

Это была тяжелая, пузатая бутылка из темного стекла, покрытая тонким слоем благородной пыли, которую Дарья заботливо сохранила, не стирая. На пожелтевшей, местами надорванной этикетке красовалась надпись: *Château Haut-Brion, Premier Grand Cru Classé, 1989*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.